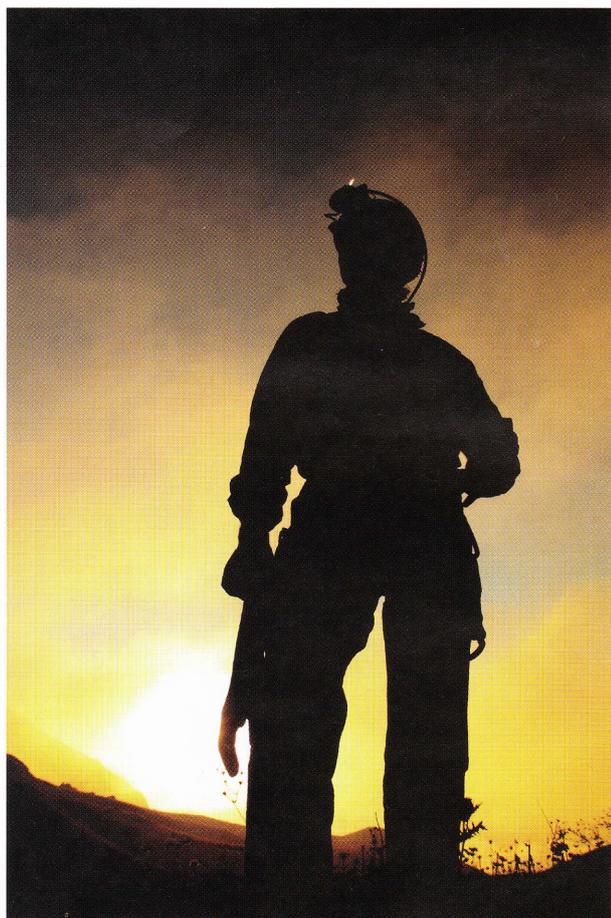

Денис Провалов: с небес — под землю

Беседовала Анна Столбова. Фото: из архива Дениса Провалова

Самый известный спелеолог страны, единственный из восходителей на Эверест, побывавший при этом на глубине более двух тысяч метров, рассказал редакции журнала «Горы», почему, выбирая между спелеологией и альпинизмом, он в итоге отдает предпочтение лыжам и что такое рабочий день на восьми тысячах метров.

Экспедиция Cavex, Абхазия, 2010

Чем ты сейчас занимаешься, чем живешь?

Все говорят: Провалов как-то неожиданно стал ходить в горы. А на самом деле я вернулся к себе самому: я же в спелеологию попал, когда искал секцию альпинизма. Увидел веревки, карабины, спросил: «Здесь в горы ходят?» — Мне сказали: «Здесь, заходи, заходи, парень».

Я прочитал, как мне кажется, все книжки об альпинизме, которые издавались в Советском Союзе. Мне эта тема всегда была близка. Да, спелеология отнимала много времени и сил, но в последнее время я в ущерб спелеологии оказываюсь в горах. И я получаю от этого огромное удовольствие. И от спелеологических экспедиций, и от восхождений в горы.

Все пещеры глубокие находятся в горах, и мы все равно выезжаем в горы. Я уверен, что многие мои друзья не ездили бы в пещеры, если бы они находились не в горах. Потому что здесь очень тонкое переплетение всего-всего. Все очень-очень похоже.

Много ли спелеологов в России и в мире?

Нет, не много. Во Франции, пожалуй, больше всего людей состоит в федерации — около 10 000 членов, федерация большая, мощная, богатая. Чуть меньше в Испании, Италии: они выпускают кучу литературы, проводят семинары.

Нас в России очень мало, но как ни странно, реальных бойцов в России и в Европе примерно одинаково.

Наверное, так же как в альпинизме: в Европе народу вроде много, а бойцов мало и мы всех знаем. Средний русский уровень выше, чем в Европе. При этом в России мало кто по-настоящему понимает, что такое спелеология, насколько это спортивная и при этом наукоемкая дисциплина.

А как приходят в спелеологию? Так же, как в альпинизм? Через вузы?

Да, такой же заход, как и в альпинизме, у нас это называется спелеошколы: выезды в Крым, на Урал.

А каких людей привлекает спелеология?

Очень разных. Вот в альпинизме все-таки больше спорта, нужно пройти, пробежать, подтянуться. А про спелеологию говорят, что это тесное переплетение науки и спорта. Все-таки научная составляющая очень сильна. Пещеры — это всегда открытия, это составление карт, топография, съемка. Если ты не вынес карту пещеры на поверхность — ты можешь рассказывать всё, что угодно, какое ты открытие совершил, но если карты нет, никто тебе не поверит — такая этика.

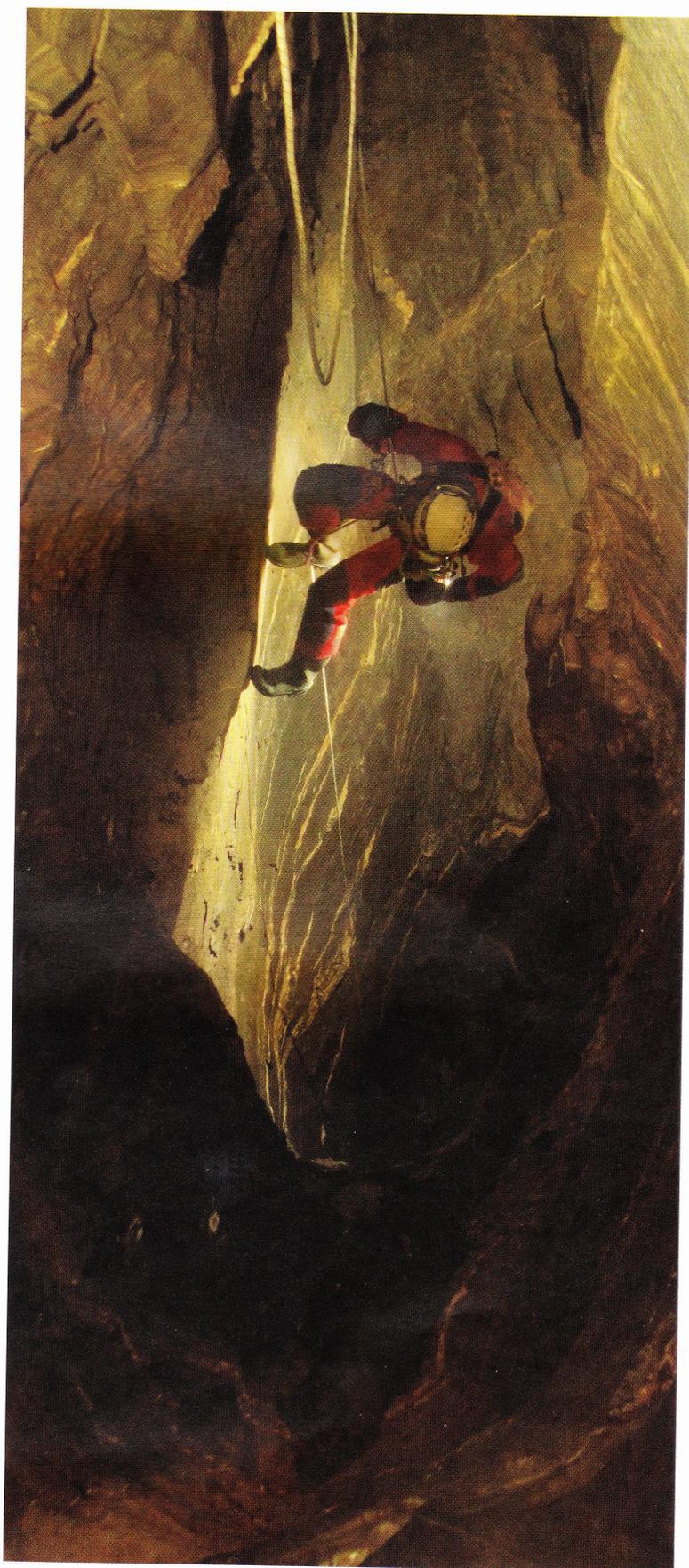
Спелеология — это ведь постоянные географические открытия. Например, самая глубокая пещера 10 лет назад была во Франции, у французов был рекорд мира по глубине погружения в пещеру. А теперь рекорд переместился на Кавказ, в пещеру Воронью (2196 м).

А есть шансы найти еще что-то новое под землей? Новые формы жизни? Следы доисторического человека? Наскальную живопись?

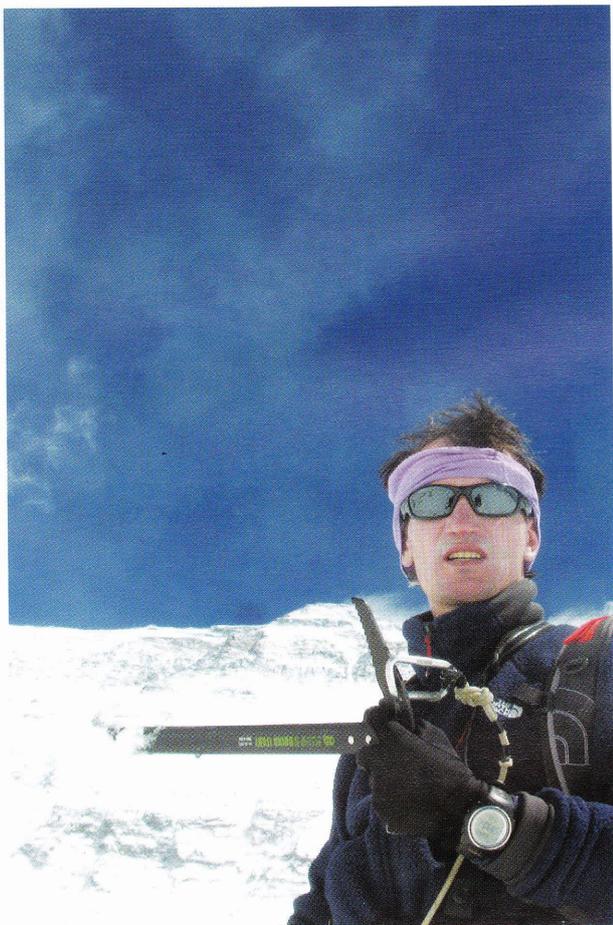
Обязательно! Открытия биоспелеологов в разы интереснее и значимее для науки, чем просто новая глубина пещеры. Вот в Вороньей было открыто четыре новых вида беспозвоночных, так интернет просто взорвался. То есть спелеологическое открытие никого не интересует, а вот биоспелеология — это да (*смеется*).

Какие качества нужны для занятий спелеологией?

Да все то же самое, что и в альпинизме: умение работать в команде, интеллект, технические навыки, смелость. Современная спелеология ведь очень спортивная. Раньше, кстати, я мог приехать из экспедиции, две недели потренироваться и выиграть соревнования. А теперь это абсолютно невозможно: есть люди, которые не ездят ни в какие экспедиции, не лазают в пещеры, но они проводят шесть тренировок в неделю в зале и выигрывают всё и везде. Мы, кстати, как-то с Одиновым участвовали в соревнованиях в двойках в Выборге. Он говорит: «Я думал, сейчас мы тут разнесем всех в пух и прах», а нас просто «сделали» как детей. В общем, как спортивное скалолазание выделилось из альпинизма, так и зальная спелеология отделяется от пещер.

Пещера Gouffre de la Sauvage (Pierre-Saint-Martin), Франция/Испания, Cavex, 2011

На фоне северной стены Эвереста, 2013. Фото: Валерий Розов

Ну так же, как в скайраннинге (интервью проходило во время фестиваля Red Fox Elbrus Race. — Прим. ред.). Я услышал, как Виталий Шкель комментировал забеги на Эльбрус: «Ну, сейчас скорости не как в 2009 году. Раньше выигрывали альпинисты, теперь же им не угнаться за бегунами». Т. е. сменилась основа в спорте.

А почему ты участвуешь в забеге на Эльбрус?

Наверное, есть некая недореализация в спорте.

Я занимался боксом очень серьезно на юношеском уровне, мне нравилось соревноваться. Выйдя же на взрослый уровень, в какой-то момент стал проигрывать: раз поражение, два поражение. Я проиграл несколько турниров. И ушел в спелеологию, которая мне очень нравилась, но мне в ней всегда не хватало спортивного ощущения борьбы и соревнований. Сейчас в лыжах, в скайраннинге я пытаюсь этот недостаток восполнить.

Кстати, это моя проблема: я хочу все и одновременно.

Вчера я поднимался на гору с клиентами, завтра забег, потом я обязательно хочу с женой съездить на водопады.

Ты понимаешь, что ты уникален в этом? Что твоя личная скорость значительно выше среднестатистических 60 км/час?

(Улыбается.) Раньше так и было. А сейчас мне не хватает уже энергии, в первую очередь творческой. Я перестал писать, я перестал вести дневники. Лениюсь.

Пещера Крубера-Воронья, массив Арабика, Абхазия. Первопроход на глубине 1700 метров, Cavex, 2004

На спуске с вершины Эвереста, экспедиция «7 вершин», 2013

А что для тебя значит твоя семья?

Всё *(улыбается)*. Мы с Женей с юности, почти с самого детства вместе. Она меня всегда поддерживает, но сейчас мы ругаемся с ней из-за воспитания детей. Это буквально недавно началось: они взрослые уже, Женя мне говорит, что я строг с ними, а я не строг. Она все время переживает за них. Девушка у меня — серьезная уже скалолазка, а сын больше творческий, стихи пишет.

Давай про Эверест.

Давай. Для меня это была мечта. И я очень надеюсь, что я там не последний раз. Теперь я хочу, наверное, в более спортивном режиме пройти. Очень уж красивая гора, уникальная, и маршрут красивый, логичный.

Что ты чувствовал во время экспедиции?

Я прислушивался к себе и мониторил, что происходит. Я понимал, что я должен не заболеть, я же отвечаю за людей. В базовом лагере Саня Абрамов сказал: «Не моемся неделю, чтобы не заболеть». Я послушался *(улыбается)*. У Абрамова есть вот эта черта лидерская, она, конечно, не только в этом выражается *(улыбается)*, она во всем: он знает, что делает, ты к нему прислушиваешься. У Одинцова, кстати, такой же талант: объяснить, что и как нужно делать. А на высоте — просто работа. Семь, восемь тысяч — тяжелая, но выносимая работа. Болела голова, ночью просыпаешься от того, что задыхаешься. И моральная ответственность, конечно: «я не должен

заболеть, я не должен подвести». Кстати, все люди, которые шли со мной (кроме одного, но это был приказ руководителя экспедиции), — все поднялись на гору.

Я последний уходил с вершины. Нужно было всех отправить вниз. Люди очень по-разному вели себя на вершине. Кто-то на морально-волевых поднимался, кто-то на физухе хорошей. Кстати, некоторые думают, что его заташат. Но гора быстро ставит всех на место.

Мир красивый сверху?

Просто чума.

(После паузы.) Я думаю, что Мелори не мог пролезть этот маршрут. Там нужно лезть. Внизу это не проблема, а на этой высоте, с тем кислородным оборудованием, что у них было... Если бы они шли сами, без кислорода, у них было бы больше шансов. А так баллон закончился — и всё, человек выключается. В спелеологии все-таки можно взять объемом труда, а альпинизм — искусство. Если ты не лезешь — ты не лезешь.

Что ты думаешь делать дальше?

Я хочу выиграть чемпионат мира по лыжным гонкам среди ветеранов *(улыбается)*. Но это та еще задачка — возрастная группа 45–50 одна из самых сильных.

Хочу сходить еще несколько восьмитысячников. И конечно, хочу найти проход дальше в пещере Воронья. Мы где-то его потеряли. ■